

И. С. Кон³

ЗАПРЕЩЕНИЕ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ — ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Современная цивилизация имеет ряд общих глобальных проблем. Одной из них в начале XXI века стали телесные наказания. Совет Европы и ООН добиваются полного запрещения телесных наказаний, рассматривая их не как форму воспитательного воздействия, а как нарушение прав ребенка и физическое насилие над ним: «Любое телесное наказание детей является нарушением их основных прав на человеческое достоинство и физическую неприкосновенность. Тот факт, что эти телесные наказания по-прежнему остаются законными в ряде государств, нарушает основополагающее право детей на такую юридическую защиту, как и у взрослых. В европейских обществах запрещено бить людей, а дети — это люди. Необходимо положить конец общественной и правовой приемлемости телесных наказаний детей».

Это чрезвычайно сложная задача. Все древние цивилизации считали суровые, в том числе физические, наказания необходимыми и полезными. По словам Платона, «ребенка гораздо труднее взять в руки, чем любое другое живое существо. Ведь чем меньше разум ребенка направлен в надлежащее русло, тем более становится он шаловливым, резвым и вдобавок превосходит дерзостью все остальные существа. Поэтому надо обуздывать его всевозможными средствами...» (Законы, 808 d). «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его»; «Не оставляй юноши без наказания;

если накажешь его розгою, он не умрет»; «Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери» (Притчи Соломоновы. 13:24, 23:13, 29:15). Эти установки широко представлены и в русской народной педагогике.

Задача ограничения и полного отказа от телесных наказаний сначала в школе, а затем и в семье впервые была поставлена гуманистами, а вслед за ними — просветителями XVII–XVIII веков. По мнению М. де Монтеня, наказание розгами приносит детям только вред и порождает ненависть. Особенно бережно нужно относиться к мальчикам, которые самой природой «предназначены к известной независимости». Эразм Роттердамский полагал, что «...обучение должно основываться на соединении строгости с мягкостью, а не так, как это делается обычно, когда, вместо того, чтобы приохотить детей к науке, им преподносят ее как сплошной ужас и жестокость. Откажитесь от насилия и принуждения...» «Не следует приучать ребенка к ударам... Тело постепенно становится нечувствительным к тумакам, а дух — к упрекам... Будем настаивать, повторять, твердить! Вот какую палкой нужно сокрушать детские ребра!»

По словам Яна Амоса Коменского, воспитывать детей необходимо «хорошими примерами, ласковыми словами и всегда искренним расположением». «Я решительно стою за то, что розги и палка — это орудия рабства, совершенно не подходящие для людей свободных, — совсем не должны иметь места в школах, должны быть изгнаны из них». Исключение могут составлять случаи, когда ученик допустил богохульство или проявил строптивость.

Джон Локк, не отрицая телесных наказаний в принципе, требовал применять их умеренно, так как рабская дисциплина формирует рабский характер. Порка в качестве

³ Академик РАО, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), доктор философских наук, профессор.

средства убеждения «порождает в ребенке отвращение к тому, что воспитатель должен заставить его полюбить», исподволь превращая его в скрытное, злобное, неискреннее существо, чья душа оказывается в конечном счете недоступна доброму слову и позитивному примеру. «Кто желает, чтобы его сын относился с уважением к нему и его предписаниям, тот должен сам относиться с большим уважением к своему сыну».

В XVIII веке эти идеи приобретают популярность среди родителей и воспитателей. Джонатан Свифт написал, что порка ломает дух благородных юношей. Его мнение поддержал Уильям Шеридан. Сэр Филип Фрэнсис, вручив в 1774 году своего единственного сына воспитателю, написал: «Поскольку моя цель — сделать его джентльменом, что предполагает свободный характер и чувства, я считаю несовместимым с этой целью воспитание его в рабской дисциплине розги... Я абсолютно запрещаю битье». Сходные инструкции давал воспитателю лорд Генри Холланд: «Не надо делать ничего, что могло бы сломить его дух. Мир сам делает это достаточно быстро».

Однако реализация этих идей растянулась на несколько столетий. Это связано, помимо теоретических трудностей (нужно было преодолеть авторитарные традиции в философии воспитания и осознать отличие наказания от насилия), с социально-структурными преобразованиями и демократизацией общества. Авторитарное общество не может поддерживать систему воспитания, основанную на диалоге, а демократическое воспитание неизбежно подрывает авторитарную власть.

В России до 1861 года положение осложнялось наличием крепостного права, позволявшего пороть и даже забивать насмерть не только преступников и детей, но и взрослых мужчин и женщин. Причем ни каратели, ни их жертвы ничего противоестественного и унижительного в этом не видели. Дискутировались лишь: а) вопрос о допустимой мере жестокости, понимаемой как строгость, и б) сословные привилегии: можно ли пороть дворян и представителей духовенства? Древнерусское право практически не делало в этом отношении сословных различий. Торговой казни и битью батогами подвергались и высшие духовные особы, и светские чины. Таким «подбатожным» равенством особенно отличалась эпоха Петра Великого. Привилегированные социальные группы тех, кого нельзя было высечь, появляются в России лишь в конце XVIII века. Жалованная грамота дворянству от 21 апреля 1785 года постановляла, что «телесное наказание да не коснется благородного». В том же году это положение было распространено и на купцов первых двух гильдий и именитых граждан, а в 1796 году — на священнослужителей.

На детей, независимо от их происхождения, льготы не распространялись. Бесправные и сами неоднократно поротые воспитатели с особым удовольствием вымещали свою ярость на беззащитных детях. Дискуссии о пользе и вреде телесных наказаний, характерные для середины XIX века, касаются преимущественно школы. Родительский произвол осуждали редко, законодательно ограничить родительские права было и вовсе не возможно. Но и о телесных наказаниях в школе говорили «умеренно».

В знаменитой статье «Нужно ли сечь детей?» (1858) Н. И. Пирогов доказывал, что применение розог антипедагогично, телесные наказания уничтожают в ребенке стыд, развращают детей и должны быть отменены, но для русского общества этот взгляд был слишком радикален. В циркуляре «Основные начала правил о поступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа» (1859), принципиально отвергая применение розог, Н. И. Пирогов, тем не менее, считает невозможным полностью обойтись без них и советует применять их в гимназиях нечасто и в каждом отдельном случае лишь по

постановлению педагогического совета. Н. А. Добролюбов язвительно высмеял этот циркуляр в стихотворении «Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания и не Киевского округа» (1860), которое, в свою очередь, вызвало оживленную полемику.

Позже, особенно в XX веке, в большинстве западных стран телесные наказания в школах были запрещены. Однако в семьях положение менялось значительно медленнее. Международные опросы свидетельствуют, что многие родители во всех странах мира считают их законными и неизбежными. Например, 90 % американских родителей «верят» в порку. Даже среди семей среднего класса, которые значительно либеральнее рабочих и фермерских семей, не применяют телесные наказания лишь 17 %. Также широко распространены и соответствующие практики.

Доказано, что степень распространенности и жестокости телесных наказаний коррелирует с общим индексом «мачизма», распространенностью культуры насилия, включая полицейский произвол, а также со степенью политического авторитаризма и консерватизма. Самые неистовые поклонники телесных наказаний в США — христианские фундаменталисты и ультраправые. Некоторые православные фундаменталисты рекомендуют родителям пороть своих детей как можно чаще и сильнее, причем «девочек можно наказывать и чаще, и сильнее», чем мальчиков, «не боясь переборщить». Особенно полезны заведомо несправедливые наказания: «Наказание, которое кажется ребенку справедливым, вредно для ребенка, так как укрепляет его в гордыне» (Соловьев, Шишимаров, 1996).

Данные о том, кого наказывают чаще — мальчиков или девочек, противоречивы (Gershoff, 2002). Одни исследователи утверждают, что мальчиков физически всегда наказывали и наказывают чаще, чем девочек, потому что они совершают более серьезные проступки и тем самым провоцируют применение силы по отношению к себе или потому что родители считают нужным «закалять» их. Другие исследования, в том числе метаанализы, этого не подтверждают, утверждая, что мальчики и девочки подвергаются телесным наказаниям одинаково часто, это зависит от установок культуры. Однако при прочих равных условиях мальчиков наказывают суровее и больше.

Согласно большинству источников матери физически наказывают детей чаще, чем отцы. Возможно, это обусловлено тем, что они проводят с детьми, особенно с маленькими, больше времени и несут за них непосредственную ответственность. Однако другие исследования такого различия не проводят. Много зависит от пола и возраста ребенка. С мальчиком-подростком матери зачастую физически не могут справиться, поэтому «серьезная» порка составляет, как и в прошлом, прерогативу отца.

Важный вывод современных исследований — воспитательный эффект телесных наказаний является мнимым и чаще отрицательным (Bugental, Grusec, 2006). Согласно метаанализу, обобщившему 88 исследований, выполненных в течение 62 лет (Gershoff, 2002), физическое наказание может давать желаемый краткосрочный педагогический эффект, но его долгосрочные последствия большей частью отрицательны, провоцируют у ребенка возникновение неприязни и агрессии. Другой метаанализ (70 исследований, опубликованных между 1961 и 2000 гг., с общим числом испытуемых 47 751 чел.) показал, что телесные наказания не оказывают влияния на когнитивные способности и учебную успеваемость ребенка, но вредно воздействуют на его эмоциональное состояние и провоцируют негативное поведение (Paolucci, Violato, 2004).

Суровые телесные наказания в детстве коррелируют с жестоким обращением с животными или с проявлением насилия в партнерских отношениях у взрослых людей, но направление причинной связи неизвестно. Кембридж-

ское лонгитюдное исследование развития делинквентности у 411 лондонских мальчиков, показало, что суровые дисциплинарные практики в 8-летнем возрасте — важный предиктор раннего начала противоправного поведения (причем особенно сильно влияет жестокость отца). Впрочем, отрицательно сказывается не столько наказание само по себе, сколько его сочетание с отсутствием эмоционального тепла и родительской заботы. При наличии последних порка может не испортить отношений мальчика с родителями, воспринимаясь им как проявление заботы (Farrington, 2000, 2004).

Наказания, как и реакции на них, бывают разными. Психологи, возражающие против тотального запрета телесных наказаний, указывают, что нельзя ставить знак равенства между поркой и шлепком открытой ладонью, который не наносит ущерба здоровью ребенка и который сами дети признают законным (Vaumrind et al., 2002).

Важным представляется культурный контекст: насколько в данной среде приемлемыми считаются телесные наказания? Ненормативные телесные наказания, с которыми ребенок не согласен, как правило, вызывают у него протест и агрессию. Если же они считаются допустимыми, отрицательных долгосрочных последствий не возникает. Видимо, долгосрочные последствия обуславливает не наказание, а то, как ребенок его интерпретирует, какой урок он из него извлекает. Например, в семьях белых американцев, где жесткая дисциплина не практикуется, ребенок воспринимает телесные наказания как проявление нелюбви к нему родителей. Напротив, в афроамериканских семьях, где телесные наказания считаются признаком хорошего родительства, они не оскорбляют ребенка и не вызывают у него чувства отверженности (Lansford et al., 2005).

Независимо от степени серьезности долгосрочных отрицательных психических последствий телесных наказаний, общественное сознание XXI века считает их морально недопустимыми. Соответствующая эволюция происходит и в России, но это сложный и долгий процесс. Советская власть телесные наказания в школе запретила, но контролировать семейные практики государство не могло, а общественное мнение относилось к семейному насилию снисходительно.

В советское время не проводилось профессиональных опросов на эту тему. Н. Н. Филиппов в 1988 году провел анонимное журналистское анкетирование 7,5 тыс. детей в возрасте от 9 до 15 лет в 15 городах страны. Выяснилось, что 60 % родителей в процессе воспитания своих детей использовали телесные наказания: 86 % среди наказаний занимала порка, 9 % — стояние в углу (на коленях на горохе, соли, кирпичках); 5 % — удары по лицу и голове. Иногда наказание за проступки трудно отличить от битья и сексуального насилия (когда унизительно оголяют, бьют по половым органам и т. п.).

Многие дети, как поротые, так и непоротые, считали этот стиль воспитания нормальным и собирались в будущем, когда вырастут, бить собственных детей. «*Какое наказание без ремня?*» — спрашивает 10-летний мальчик. — *Воспитывать детей надо строго, а не сюсюкать с ними, как с маленькими*. Девятилетняя Аня, лукаво улынувшись, прощелбала: «*Конечно, буду бить, как меня мама, что они, лучше что ли?*» Одиннадцатилетний Вова: «*Меня наказывают ремнем ради профилактики по понедельникам, средам и пятницам. Своего же ребенка я буду бить каждый день*». Рассудительный 14-летний Роман говорит: «*Меня бьют очень редко. Но если бьют, то по-настоящему — «опускают почки»*. Обязательно буду бить свою дочь или сына, только наказывать нужно ремнем, чтобы не сломать позвоночник ребенку». Это ли не эстафета поколений?

После краха советской власти было проведено несколько больших репрезентативных опросов (всесоюз-

ный опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 1992 г.; национальные опросы Левада-Центра в 2000 и 2004 гг.; опросы Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) в 2004 и 2008 гг.; национальный опрос Исследовательского центра портала SuperJob.ru в 2008 г.) и ряд локальных анкетирований. Их выборки и вопросы не вполне сопоставимы. В одном случае спрашивают о детях вообще; в другом — о школьниках; в третьем — о подростках старше 13–14 лет. «Физически наказывать» и «пороть» — это не одно и то же. В одних анкетах речь идет о семье, в других — о школе. Не различаются виды телесных наказаний и их социально-педагогический контекст, кто имеет право и должен их осуществлять. В одних анкетах спрашивают об установках респондентов, в других — об их собственном опыте. Тем не менее эти опросы предоставляют пищу для размышлений.

На вопрос анкеты ВЦИОМ (апрель 1992 г.) «*Допустимо ли наказывать детей физически?*» утвердительно ответили только 16 % россиян, против высказались 58 % опрошенных. Россияне оказались гуманнее других народов бывшего СССР: телесные наказания детей считали нормальными, допустимыми 24 % эстонцев, 29 % литовцев и 39 % узбеков.

При опросе ФОМ в 2004 году телесные наказания детей сочли допустимыми свыше половины (54 %) россиян, против высказались 47 %. Наиболее либеральны москвичи — 48 %, молодежь в возрасте от 18 до 24 лет — 50 % и те, кого в детстве физически не наказывали — 52 % (Преснякова, 2004). При опросе ФОМ в 2008 году с мнением, что телесные наказания детей школьного возраста «иногда необходимы», согласились 67 %.

На вопрос Левада-Центра (2004) «*Имеют ли право родители подростка 13–14 лет наказывать его физически?*» утвердительно ответили 37 % (в 2000 г. — 27 %), отрицательно — 61 % (Зоркая, Леонова, 2004).

В опросе Исследовательского центра портала SuperJob.ru (март 2008 г.) телесные наказания сочли необходимым методом воспитания лишь 9 % россиян. Некоторые полагают, что такая мера допустима только в отношении мальчиков. Другие апеллируют к собственному опыту: «*Нас же тоже шлепали, и ничего... Выросли нормальными*»; «*На себе испытала — полезно*». Физическое воздействие на детей с воспитательными целями рассматривают как крайне нежелательное и допустимое только в исключительных случаях 61 % россиян. Но лишь 30 % считают телесное наказание детей в принципе недопустимым, полагая, что применение ремня или подзатыльников порождает лишь «*негативную реакцию, страх, подавляет самостоятельность*», «*способствует развитию у ребенка различных комплексов*».

Мужчин, считающих телесные наказания неотъемлемой частью воспитательного процесса, вдвое больше, чем женщин (12 против 6 %), а неприемлемыми их считают 34 % женщин и 25 % мужчин. Чаше других о пользе шлепка и подзатыльника говорили люди старше 50 лет, а наибольшее число их противников — среди молодежи до 20 лет. Категорически против телесных наказаний 25 % россиян, имеющих детей, и каждый третий (33 %) среди бездетных. Личный опыт опрошенных тесно связан с их возрастом. Из респондентов ФОМ (2004) не испытывали физических наказаний 27 %, в отличие от 40 % подвергавшихся наказаниям. «Били тем, что было под рукой», «веревкой, палкой», «крапивой или прутиком», «офицерским ремнем». О реальном смягчении нравов ясно свидетельствуют возрастные показатели: среди 18–24-летних оказалась 33 % непоротых, а среди 55–64-летних — лишь 18 %.

В опросе ФОМ 2008 года телесные наказания пережил каждый второй респондент, причем 16 % из опрошенных

часто и 33% редко. Мальчиков наказывали значительно чаще, чем девочек: совсем не наказывали 40 % мужчин и 55 % женщин; часто — 20 и 12 %, редко — 37 и 29 %. При этом 52 % мужчин и 32 % женщин считают, что их пороли заслуженно. Лишь 2 % участников опроса высказали мнение, что сегодня в России нет родителей, которые бы физически наказывали своих детей.

Сравнивая современную ситуацию с периодом своего школьного детства, 26 % опрошенных высказали предположение, что сейчас детей стали реже наказывать физически, 17 % — что чаще, 17 % респондентов полагают, что в этом отношении мало что изменилось (остальные затруднились ответить). Некоторые (5 %) считают, что *«раньше строже относились к детям»*, а сейчас их *«больше жалуют, балуют»*. Другие придерживаются мнения, что *«сейчас изменились подходы к воспитанию»*; *«сейчас как-то не принято бить детей»*; *«нецивилизованные методы — так все считают»*; *«больше уговаривают»*.

Некоторые участники опросов видят в этом признак возросшего уровня педагогической и общей культуры родителей (*«более грамотные родители»*; *«более педагогически грамотные»*; *«люди стали цивилизованнее»*; *«повышается культурный уровень»* — 3 %), другие — свидетельством родительского невнимания, наплевательского отношения к детям (*«безразличия больше со стороны родителей: чем бы дитя ни тешилось...»*; *«взрослым не до детей — работают»*; *«вообще не заботятся о детях»*; *«их не воспитывают, они брошены по улицам, бегают по помойкам»*; *«наплевать на детей»* — 3 %).

Отдельные респонденты полагают, что причиной перемен в методах воспитания являются не столько родители, сколько сами дети: *«дети сами не позволяют так с ними поступать»*; *«дети стали знать свои права»*; *«дети стали умнее, лишней раз их не тронешь»*; *«дети ранимы, очень грамотные сейчас, могут и отпор дать»* (2 %). Собственных детей или детей, в воспитании которых они принимают или принимали участие, физически наказывали 25 % участников опроса (примерно треть от числа имеющих опыт воспитания детей), причем 10 % сожалеют об этом, а 14 % — нет.

Из опрошенных в 2001 году московских старшеклассников (7–11-й класс) только 3,1 % мальчиков и 2,8 % девочек признали, что родители применяют к ним в качестве наказания физическую силу (Собкин, 2003, с. 168). Однако следует учитывать, что это Москва и речь идет о старшеклассниках.

По некоторым оценкам отечественных авторов, уровень применения физических наказаний в российских семьях составляет от 50 до 95 %, при этом не менее 5 % детей постоянно испытывают физические оскорбления: пощечины, толчки, подзатыльники (Григорьев, 2006). Согласно профессиональному опросу 46 % из 600 родителей во Владивостоке практиковали телесные наказания по отношению к своим детям. Хотя этот показатель ниже показателей применения других методов дисциплинирования, тем не менее это значительное количество, близкое к американским данным (Лысова, Истомина, 2008).

Сложность проблемы заключается в том, что за наказанием часто скрывается насилие над детьми. По данным Комитета Государственной Думы РФ по делам женщин, семьи и молодежи, по заказу которого в 2001 году было проведено масштабное исследование, в России около 2 млн детей в возрасте до 14 лет ежегодно подвергаются избиению в семье. Более 50 тыс. таких ребят убегают из дома. При этом мальчиков бьют в три раза чаще, чем девочек. Две трети избитых — дошкольники. 10 % зверски избитых и помещенных в стационар детей умирают. Число избиваемых детей ежегодно растет. По данным опросов правозащитных организаций, около 60 % детей сталкиваются с насилием в семье, 30 % — в школах. Уголовная статистика отражает лишь 5–10 % от реального количества избиений (Гетманский, Коньгина, 2004).

Таким образом, перед нами стоит сложная цивилизационная проблема, философско-гуманитарные аспекты которой, касающиеся сущности воспитания, органически переплетаются с психолого-педагогическими (соотношение наказаний и поощрений и эффективность тех и других) и социально-правовыми (способы обуздания насилия и агрессии). Это требует широкой междисциплинарной кооперации ученых разных специальностей.